

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1930

(1730)

Сергей Михеевков

ЖУКОВ

МАРШАЛ НА БЕЛОМ КОНЕ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2018

УДК 94(47+57)(092)“1939/1945”
ББК 63.3(2)62
М 69

Издание второе, исправленное

*Благодарю за помощь в работе над книгой земляков маршала Г. К. Жукова
Маргариту Александровну Фёдорову, Валерия Васильевича Михалёва,
Николая Ивановича Яшкина, а также председателя Фонда Г. К. Жукова
полковника Анатолия Абрамовича Войтенко (Екатеринбург) и полковника
в отставке, ветерана Великой Отечественной войны, кандидата
технических наук Валентина Александровича Олейника (Москва).*

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-04108-0

© Михеенков С. Е., 2018
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2018

*Ах, как трудно всё на свете:
Служба, жизнь, зима, война...*

Александр Твардовский

*«Отчего бы тому, кто готовил
тебя к смерти, жалеть тебя,
сержант?»*

Антуан де Сент-Экзюпери

ЧАСТЬ I

РОЖДЕНИЕ ПОЛКОВОДЦА

Глава первая

РОДИНА. ТЕКУЩАЯ РЕКА

«Я был упрям...»

Маршал стоял над рекой и пристально наблюдал за её течением. Берега в этом месте будто стискивали Протву, и стремя реки, подчиняясь теснине песчано-каменистых осыпей, бугрилось рябью нервных воронок, с урчанием крутило тугие жгуты и стремительно уносилось за излучину. Там, за поворотом, река текла вольнее, шире, спокойнее. Там начинались купальные места и сенокосы, которые испокон веку принадлежали жителям Огуби, Костинки и родной деревни маршала Стрелковки. Или Стрелковщины, как, по местным преданиям, некогда называли эту небольшую приречную деревушку уральские мастера, которые отливали в Угодском Заводе чугунные пушки, а возле реки обстреливали их усиленными зарядами.

Песчаные берега только выглядели податливыми, на самом деле они как неприступные твердыни смиряли своенравный ток реки своим вековым покоем. Они и тогда, в пору детства маршала, были такими же.

Впереди, в километре выше по течению, лежала его родная деревня, его милая сердцу Стрелковка. Позади, за спиной, тоже недалеко, родина его матери — деревня Чёрная Грязь. Он стоял сейчас словно между двумя родниками, живыми, покуда ещё сильными, и чувствовал их земное биение и ток. Видимо, так и чувствуют родину, подумал он.

Вид текущей воды завораживал. Маршал не мог оторвать глаз от этой вековой борьбы реки и берегов. Но он-то знал, что есть в этом соперничестве некая высшая гармония. Именно она и успокаивала взгляд, умиротворяла душу.

Чуть выше, на пригорке, под берёзами виднелась череда окопов. Окопы пехотные. По очертаниям и характеру расположения — немецкие. Война дошла до его родины в октябре

1941-го. Той осенью он пережил многое. Как тогда ему казалось, многое смог понять и оценить. Во многом разуверился. В чём-то, наоборот, укрепился.

Маршал оглянулся на берёзы. Немолодые. Снизу кора разошлась в глубоких чёрных морщинах и наростах. Вверху — белые, словно в седине своих лет. Должно быть, его ровесницы. В детстве он их здесь не видел. Нет, не помнит, чтобы здесь начинался лес или были какие-то заросли. Раньше от его деревни до Высокиничей в пойме ничего не росло, кроме травы. Сплошные сенокосы. И ему, как и всем подросткам из окрестных деревень, приходилось здесь и косить, и сушить сено, и стоговать, и накладывать на телегу высокие возы...

Да, сколько воды утекло с тех пор... Сколько лет... И казалось, душа его устремилась туда же, вслед за струящимся потоком. От истоков к устью. От рождения к неизбежному исходу. Да, думал он, жизнь быстротечна. Давно ли стоял где-нибудь у такой же излучины его дед или прадед и наблюдал за игрой реки, любовался её тишиной и ладом? Уйдём и мы, думал маршал, а придут сюда следующие поколения... Какими они будут? Не растеряют ли родовых черт, самых главных, становых признаков народа, который основательно заселил эту землю, старательно возделывал её и оборонял?

Свидание с родиной, тем более по прошествии стольких лет, считай, всей жизни, рождает в человеческой душе чувства смутные. Всё в ней колышется и движется куда-то. Как в реке. Только река знает, куда течёт. Всё в её жизненном токе определено природой, рельефом и временем. А в душе человеческой всё смутно и необъяснимо сложно. Ничего она, душа, не знает. Ни покоя, ни того, куда несёт человека его судьба и где приткнётся. Да и незачем ей знать. И тогда выходит, что и жизнь человека, изломы его судьбы и медленные излучины действительно сродни реке. Вот такой, как река его детства. Река родины.

Крестили Георгия Жукова в Никольской церкви села Угодский Завод Малоярославецкого уезда Калужской губернии. Церковь стояла на Угодском погосте близ братской могилы казаков, умерших от ран в здешнем лазарете после Тарутинского сражения в октябре 1812 года. Крестил приходской батюшка Василий Всесвятский. По совершении обряда в метрической книге сделали обычную запись, из которой явствовало, что младенцу дано имя Георгий, что рождён он в 1896 году 19 ноября, что крещён 20-го, а родители его «деревни Стрелковки крестьянин Константин Артемьев Жуков и его закон-

ная жена Иустина Артемьева, оба православного вероисповедания».

Крёстными родителями младенца стали крестьянин села Угодский Завод Кирилл Иванович Сорокин и «крестьянская девица» Татьяна Ивановна Петина.

В тот год в приходе родилось 65 мальчиков и 82 девочки. Причём Жуковых появилось на свет пятеро. Дети родились во всех пяти стрелковских дворах, носивших фамилию Жуковы.

О родителях будущего маршала следует привести некоторые подробности. Потому что история отца и матери нашего героя стала предметом серьёзных раздоров историков и биографов.

Споры и кривотолки пошли вот откуда: доподлинно остаётся неизвестным происхождение отца — Константина Артемьевича Жукова. Семейное предание гласит, что в деревне Стрелковке на левом берегу Протвы жила бедная бездетная вдова Аннушка Жукова... «Чтобы скрасить своё одиночество, — пишет в своих мемуарах маршал, — она взяла из приюта двухлетнего мальчика — моего отца. Кто были его настоящие родители, никто сказать не мог, да и отец потом не старался узнать свою родословную. Известно только, что мальчика в возрасте трёх месяцев оставила на пороге сиротского дома какая-то женщина, приложив записку: “Сына моего зовите Константином”. Что заставило бедную женщину бросить ребёнка на крыльцо приюта, сказать невозможно. Вряд ли она пошла на это из-за отсутствия материнских чувств, скорее всего — по причине своего безвыходно тяжёлого положения».

Как пишет далее Жуков, дом вдовы Аннушки, где родились и все её внуки, в том числе и Георгий, стоял посреди деревни. «Был он очень старый и одним углом крепко осел в землю. От времени стены и крыша обросли мохом и травой. Была в доме всего одна комната в два окна». Кем и когда был построен дом Жуковых, никто не знал.

Как вспоминал сам маршал, все пять дворов стрелковских Жуковых роднёй друг другу не доводились, даже дальней. Крестьяне Малоярославецкого уезда Калужской губернии свои фамилии обрели, как и большинство окрестных, после отмены крепостного права. Кто выбирал, когда записывали, а кому и просто назначили.

Аннушка умерла, когда её приёмшу едва исполнилось восемь лет. Сына поднять не успела. Снова оставшись сиротой, мальчик пошёл в село Угодский Завод, искать кусок хлеба на пропитание. И — нашёл. Его взял к себе в подмастерья сапожник. Так, через поле и перелесок, и бегал Константин Жуков каждое утро, стараясь не опоздать к началу работы. Вечером

возвращался. Через три года, вступив в пору отрочества, попал он в Москву и там устроился в обувную мастерскую Вейса. Испокон веков жители подмосковных городков и селений искали в богатой Москве заработок и хорошую жизнь. И порой находили и то и другое. Оборотистый и предприимчивый немец открыл собственный магазин модельной обуви, и дела у предприятия шли неплохо. Со временем из Константина получился хороший мастер. Встав на ноги, он в 1870 году женился. В жёны ему высватали «крестьянскую дочь Анну Иванову» из той же деревни Стрелковки. У них родились сыновья — Григорий (1874) и Василий (1884). Младший вскоре умер. А в 1892 году умерла от скоротечной чахотки Анна Ивановна. Константин Артемьевич остался вдовцом.

Кстати, происхождение его отчества остаётся невыясненным. Вероятнее всего, оно выбрано произвольно.

Мать будущего маршала, Устинья Артемьевна, родилась неподалёку, в деревне Чёрная Грязь, что в шести километрах ниже по течению Протвы, в семье Артемия Меркуловича и Олимпиады Петровны. Фамилии при рождении Устя не получила, так как фамилий здешние крестьяне помещика Голицына не имели вплоть до конца 80-х годов XIX века. Впоследствии записались Пилихиными. Устинья Артемьевна фамилии по отцу никогда не носила. Не успела. В семье она была старшим ребёнком. Известно, в крестьянском доме старший из детей — и за мать, и за отца, и за всех на свете. Рано втянулась в тяжёлый физический труд. От отца по природе ей передались широкая крестьянская кость, выносливость и упорство.

В деревне старшую пилихинскую дочь называли Устей, Устюхой. В семье — Устюшей. Детей впоследствии называли Устюхиными. По фамилии — редко. Будущего маршала окликали Егором Устюхиным. По причине того, что после отмены крепостного права здешние мужики, владевшие каким-либо мастерством — кузнечным, плотницким, столярным, скорняжным, сапожным и иным, уходили осенью трудиться по найму и возвращались домой весной, когда начинались сельскохозяйственные работы, в деревнях постепенно воцарился матриархат. Верховодили женщины. Правда, их первенство простиралось до известных пределов. Выборные и иные должности в общине занимали только мужчины.

Шли годы. Устинья повзрослела, заневестилась. Артемию Меркуловичу жалко было отдавать замуж, считай, в чужой двор, бóльшую дочку — хорошая работница, в поле за двоих управляется, — но пора пришла.

Вначале её выдали за Фаддея Стефановича, крестьянского сына из соседнего села Трубина Спасской волости. Этот Фад-

дей Стефанович тоже оказался бесфамильным. Когда играли свадьбу, жениху только-только исполнилось 19 лет, а невесте было побольше — 22. Вскоре родился у них сын Иван, дальнейшая судьба которого неизвестна. А спустя некоторое время от чахотки умер Фаддей Стефанович. Устинья подалась в прислуги. Нанималась к богатым хозяевам в соседние деревни. Вне брака прижила ребёночка, вроде бы мальчика, крещённого с именем Георгий. Мальчик тот на свете долго не пожил, умер «от сухотки».

Как это часто бывало в деревнях, вскоре вдовец и вдова не просто сошлись, а честь по чести обвенчались в церкви. Венчал их приходской священник Василий Всесвятский, который затем будет крестить всех их общих детей. Венчание состоялось 27 сентября 1892 года в храме села Угодского Завода, о чём в здешних церковных книгах имеется соответствующая запись.

Устинье Артемьевне в год второго венчания было 29 лет. Константину Артемьевичу — 48.

Пошли совместные дети: Мария (1894), Георгий (1896) и Алексей (1899). Младший пожил всего полтора года. Случилось несчастье: ползая по дому, опрокинул на себя посудину с кипятком. Ожог оказался смертельным.

Имя Георгий, а в просторечии Егор, Устинья выбрала в память об умершем младенце, прижитом вне брака, но дорогое её сердцу. Такой обычай в этой местности был в то время весьма распространён.

Двадцатого ноября по церковному календарю день преподобного Григория. И когда священник назвал это имя, Устинья, как повествуют местные хроники, «решительно отвергла это имя. Оно ей было неприятно из-за сына Константина от первого брака, с которым у неё не сложились отношения».

Память святого великомученика Георгия, как известно, православные чтут 26 ноября, 9 декабря по новому стилю. Так что дата крещения младенца с Днём святого Георгия никак не совпадает. На счёт невежества священнослужителей эту историю отнести тоже нельзя, так как, по мнению жуковского краеведа А. И. Ульянова, «священник и дьякон были достаточно образованными, чтобы не перепутать имя святого и его протонародное искажение»*.

Жили Жуковы в Стрелковке, в стареньком доме с замшелой крышей и вросшим в землю углом. Кормились от земли и

* Ульянов А. И. Детство полковника. Малоярославец, 1996. С. 26.

от домашнего хозяйства, а также от ремесла Константина Артемьевича. Дорога в Москву ему была с некоторых пор заказана. «Я не знаю подробностей, — писал впоследствии маршал, — по рассказам отца, он в числе многих других рабочих после событий 1905 года был уволен и выслан из Москвы за участие в демонстрациях. С того времени и по день своей смерти в 1921 году отец безвыездно жил в деревне, занимаясь сапожным делом и крестьянскими работами».

«Я очень любил отца, — вспоминал маршал, — и он меня баловал. Но бывали случаи, когда отец строго наказывал меня за какую-нибудь провинность и даже бил шпандырем (сапожный ремень), требуя, чтобы я просил прощения. Но я был упрям — и сколько бы он ни бил меня — терпел, но прощения не просил. Один раз он задал мне такую порку, что я убежал из дому и трое суток жил в конопле у соседа. Кроме сестры, никто не знал, где я. Мы с ней договорились, чтобы она меня не выдавала и носила мне еду. Меня всюду искали, но я хорошо замаскировался. Случайно меня обнаружила в моём убежище соседка и привела домой. Отец ещё мне добавил, но потом пожалел и простил».

Характер — «был упрям», «терпел, но прощения не просил» — сформировался ещё тогда, в детские и отроческие годы.

Отец Константин Артемьевич, подчас не зная, как реагировать на проделки Егорика, в сердцах говорил: «В хвост и в гриву такого лупцевать!» Но строгость отца не породила в душе мальчика озлобленность. В воспоминаниях Жуков о нём отзывается с сыновней теплотой, в которой порой сквозит гордость. Значит, без дела отец шпандыря с гвоздя не снимал.

Статью, широкой крестьянской костью он пошёл в материнский род — пилихинский. Да и упорство, воля добиваться своего, твёрдость и умение брать на себя ответственность и за поступки, и за проступки, и за порученное дело — тоже оттуда, от пилихинского корня.

Ещё когда мальчонка только слез с печки и в первое лето босиком побежал по деревне, старики провожали его восторженно-насмешливыми взглядами и говорили:

— О, дед Артём побёг! Плечистый мужик будет. Девкам — беда!..

Звали его Егориком. Потом, когда повзрослел — Егором. Георгием ни в детстве, ни потом — никогда. Даже когда стал маршалом и слава о нём полетела повсюду и имя не сходило со страниц газет и журналов, книг и плакатов, когда тысячекратно повторялось по радио и в телевизионном эфире, в родной деревне его продолжали называть Егором Жуковым.

О матери маршал вспоминал: «Мать была физически очень сильным человеком. Она легко поднимала с земли пятипудовые мешки с зерном и переносила их на значительное расстояние. Говорили, что она унаследовала физическую силу от своего отца — моего деда Артёма, который подлезал под лошадь и поднимал её или брал за хвост и одним рывком сажал на круп».

О могучем деде Артёме сохранилось семейное предание: когда начал строиться, ездил в лес один, валил матёрые дубы, распиливал стволы на брёвна, соразмерные будущим стенам дома, и один укладывал их на повозку.

Разделение труда в семье Жуковых установилось по такому принципу: самую тяжёлую работу выполняла мать, а отец занимался сапожным ремеслом. По всей вероятности, Константин Артемьевич был слаб здоровьем. Возможно, именно по этой причине вынужден был покинуть Москву. А «полицейская» версия сложилась позже, когда Жукову необходимо было заполнять анкеты, писать автобиографию и соблюдать прочие предосторожности в соответствии с временем. Вряд ли Константин Артемьевич служил в армии. Сведений об этом на родине в архиве фондохранилища музея маршала Жукова нет. Так что копировать «военную жилку» юному Жукову было не с кого и не с чего. Ни военного человека, ни обстоятельств, которые бы с ранних лет развивали в нём интерес к военному делу, рядом с ним не было и в помине.

Чтобы хоть как-то выбиться из бедности и осенью на Покров проводить детей в школу обутыми-одетыми, Устинья Артемьевна нанималась в Угодском Заводе к зажиточным хозяевам и купцам возить из уездного Малоярославца и ближайшего города Серпухова бакалейные товары. За поездку ей платили рубль. Иногда накидывали сверх 20 копеек за добросовестность и расторопность. «И какая бывала радость, — писал маршал в «Воспоминаниях и размышлениях», — когда из Малоярославца привозили нам по баранке или прянику! Если же удавалось скопить немного денег к Рождеству или Пасхе на пироги с начинкой, тогда нашим восторгам не было границ».

Извозом занимались многие. Промысел этот был в основном женский. В Стрелковке существовала целая артель, в которую входила и Устинья Жукова. Женщины отправлялись в извоз примерно раз в неделю. Иногда приходилось ночевать в Малоярославце или в Серпухове, а наутро чуть свет везти товар в Угодский Завод. В дождь и слякоть, в метель и стужу. Для Устиньи такая работа была делом привычным.

НИЩЕЕ, СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

«Егор приехал, на вечеринках жди драки...»

Детскими забавами в Стрелковке были летом — Протва, зимой — Михалёвы горы.

Протва — река невеликая. Но и не речка — река. Когда в 1941 году, осенью и зимой, здесь стоял фронт, вплотную придвинувшись к Серпухову и Подольску и угрожая с севера непокорной Туле, Протва сперва серьёзно препятствовала продвижению к Москве немецких войск, а потом, когда началось контрнаступление, — нашим.

Особенность этой реки — плавное равнинное течение, песчаное дно, плёсы, заросшие ракитником и ольхами, щучьи омуты. Весной она разливается так широко и вольно, что превращается в море. Поэтому на пологих и низинных местах здесь никогда не строились — затопит, унесёт. Деревни и сёла стоят в отдалении или на кручах. Почва в основном песчаная. Кругом сосновые боры. В борах черника, земляника, костяника, грибы. В прежние времена водилось много дичи: тетерева, рябчики, куропатки, перепела. На Протве и старицах — дикие утки.

Все окрестные жители — прекрасные пловцы.

Однажды, уже в 1957-м, в Крыму во время отдыха маршал заплыл так далеко от берега, что родные заволновались. Семьи Жуковых и Пилихиных, как это не раз бывало, отдыхали на море вместе.

— Далеко заплываешь. Не боишься? — сказал ему двоюродный брат Михаил.

— Не боюсь. Я всю жизнь заплываю далеко. Чего нам бояться? Помнишь, как Сашка нас плавать научил! На Протве самые глубокие места вдоль и поперёк по нескольку раз переплывали. Наперегонки!

Александр Пилихин, наставник и опекун братьев, учил их плавать так. Сажал в лодку, выгребал на середину Протвы, где она поглубже и пошире, выталкивал одного и другого в воду и кричал: «Плывите к берегу!» И внимательно следил: если кто начинал «хлепать» и тонуть, ловко выхватывал из воды и затаскивал в лодку.

Зимой развлечением стрелковской детворы становились Михалёвы горы. Катались на лыжах и на «леднях». «Ледня» — старое, износившееся и уже не нужное в хозяйстве решето. Обмазывали его жидким коровьим навозом и морозили. Процедуру эту необходимо было выполнять неоднократно,

чтобы покрытие ложилось тонкими слоями и служило потом долго. Нынешние «ледянки», на которых дети катаются зимой с горок, — производное той, настоящей «ледни».

Егорик слыл среди своих одногодков заводилой и атаманом. В потасовках, которые время от времени случались, всегда решал исход «по-честному». Был не по годам силен и ловок. В драках «стенка на стенку» — надёжен и храбр.

Потом, когда начал, как говорят в деревне, «девкам на пятки наступать», драки не прекратились — ревниво отгонял соперников от своих избранниц. Однажды на танцах стал отбивать невесту у местного почтальона. «Егор, не лезь, — предупредили друзья, — у него револьвер». Почтальонам выдавали служебное личное оружие, так как их работа была связана с перевозкой ценностей и крупных денежных сумм. Почтальон, не отличавшийся силой, не расставался со своей «привилегией» и на гулянках. Жукова это только раззадорило. Когда началась драка, почтальон выхватил револьвер. Жуков ловко выбил его из руки соперника и забросил в кусты. Эта безрассудная, отчаянная храбрость впоследствии проявится на фронте — и на одной войне, и на другой, и на третьей, и на четвёртой, самой большой и продолжительной.

Так что и на гулянках не уступал первенства. За девчатами ухаживал лихо и напористо. На родине до сих пор шутят: так, мол, и воевал, и когда солдатом был, и когда маршалом.

Особенно запала в душу одна...

Жуков в ту пору уже работал в Москве и в Стрелковку приезжал только на лето и в Рождество погостить.

Своему редактору «Воспоминаний и размышлений» журналисту Анне Миркиной он рассказал однажды в порыве откровения, когда речь зашла о родине, о юности, о первых волнениях крови: «Я, когда молодым был, очень любил плясать. Красивые были девушки! Ухаживал за ними. Была там одна — Нюра Синельщикова — любовь была».

Но это будет потом, после детства и отрочества. Крепко его тогда захватила первая любовь. Вот и не забывалась. Когда приехал из Москвы в Стрелковку и узнал, что Нюру уже сватали, ходил вокруг её дома и не своим голосом кричал: «Нюрка! Что ты наделала!»

Впоследствии, уже оглядываясь на прожитое, но словно всё ещё оберегая старую рану, Жуков подарит Нюре первое издание своих «Воспоминаний и размышлений», где будет упоминание и о ней. На титульном листе сделал сдержанную надпись: «А. В. Синельщиковой — другу моего детства на добрую память». На самом же деле Нюра была другом не только детства, но и юности, более того — невестой.

Отец Константин Артемьевич хоть и был строг с детьми и лупил самого резвого и непокорного из них — Егорика — шпандырем, хозяином в доме был, видимо, никудышным. Всё держалось на двужильной Устюше. Иначе как объяснить, что в 1902 году, уже к осени, «от ветхости» обломилась прогнившие обрешётки и стропила дома и крыша рухнула внутрь. Когда односельчане собрались на усадьбе Жуковых, чтобы помочь горю бедной семьи, накануне холодов вынужденной жить в сарае, выяснилось, что новые стропила на гнилых стенах поднимать бессмысленно. Пустили по кругу шапку и вскоре собрали необходимую сумму, на эти деньги в соседнем селе купили готовый сруб. Перевезли. Дом поставили обшдённой — за один день накидали на мох сруб, подняли стропила, обрешётки и покрыли соломой в несколько рядов.

Тот год был для семьи Жуковых самым тяжёлым. Сам маршал вспоминал его так: «Год выдался неурожайный, и своего зерна хватило только до середины декабря. Заработки отца и матери уходили на хлеб, соль и уплату долгов. Спасибо соседям, они иногда нас выручали то щами, то кашей. Такая взаимопомощь в деревнях была не исключением, а скорее традицией дружбы и солидарности русских людей, живших в тяжёлой нужде».

Анна Ильинична Фёдорова*, старожил из Чёрной Грязи, вспоминала: «Была я маленькая, сидела на печке и видела, как Егор Жуков приходил к моему старшему брату Семёну. Они дружили. Был он из бедной семьи, ходил в рваных ботинках». Да, заметим мы, при отце-то сапожнике...

Та же Анна Ильинична сохранила в памяти ещё кое-что. Воспоминание это относится к более позднему периоду жизни Жукова, когда он уже жил и работал в Москве, а на родину приезжал погостить. И — погулять. «Когда Жуков в юности приезжал из Москвы в Стрелковку, то в деревне говорили: “Егор приехал, на вечеринках жди драки...”». Так что характер его твердел на кулаках и на крапиве.

Известен случай, когда после очередной драки на вечеринке местные парни подкараулили его, связали и бросили в канаву с крапивой. «Вот тебе наши девки, москвич!..» В крапиве Егор пролежал до утра. Но и этот случай был частью становления характера. Уроком, который, надо признать, он усвоил только отчасти...

Однако лето для деревенской ребятни — это не только купание на реке, но и заботы по хозяйству. Грядки прополоть. Воды нанести — и домашней скотине, и на полив огорода.

* А. И. Фёдорова 1907 года рождения.

В лес за ягодами сходить, за грибами. Рыбалка на реке Протве и речке Огублянке, впадавшей в Протву неподалёку, возле села Огуби, развлечением была лишь отчасти. Рыба стала частью пропитания семьи. Рыбу ловили корзинами. Когда подросли, плели вёрши, неретá и морды. Чем лучше снасть, тем богаче улов. Плотва, густера, окуни, шуки, налимы, голавли, лини, лещи. Часть большого улова Егор относил соседям. В благодарность за щи в голодные дни. А ещё он пристрастился к охоте.

Жил в деревне Прошка по прозвищу Хромой. Он работал половым в придорожном трактире в Огуби. Хромой Прошка купил себе ружьё и стал ходить на охоту. Брал с собой и Егора. Они вскоре подружились, хотя Хромой Прошка был намного старше. Мать Прошки на крестинах Егора держала его на руках перед купелью, а потом, голенького, принимала от отца Василия. Так что Хромой Прошка доводился ему почти роднёй.

Поскольку они ходили в лес вдвоём, а ружьё было одно, то и стрелял из него владелец — Хромой Прошка. А Егору доставалась другая работа: зимой, когда они охотились на зайцев, Егор делал загоны или распутывал заячьи малики, то есть следы. Он искусно и умело тропил зайца. Увидев след, сразу определял, беляк это или русак. Различал концевые, жировые, гонные или взбудные следы. Понимал, что если косой сделал смётку — отпрыгнул со своего следа, «двойки» или «тройки», далеко в сторону, то где-то неподалёку и залёг. Иногда зайца брали прямо на лёжке. Бывало — и упускали. Тогда Егору приходилось выслеживать его, топтать снег по новому кругу. А в конце лета ходили на уток. В августе на крыло становилась молодь. Выводки в хорошие годы были большими. За одну охоту добывали до дюжины крякв. Стрелял Хромой Прошка, а Егор плавал за подранками. Конечно, Прошка давал Егору выстрелить раз-другой, но случалось такое редко.

Иногда на охоту отправлялись втроём. Егор уговаривал Хромого Прошку взять с собой друга-однокашника Лёшу Колотырного. Колотырный — это прозвище. Настоящая фамилия друга — Жуков.

Пройдут годы. Пройдёт одна война. Грянет за ней другая, Гражданская. Коноводом у командира кавалерийского полка Жукова будет верно служить красноармеец Алексей Жуков, которого комполка по-прежнему будет окликать Колотырным.

Человек родины, Жуков всегда будет окружать себя земляками, роднёй. Надёжными и добросовестными людьми.

Страсть к охоте, в особенности утиной, Жуков сохранит на всю жизнь. Охотничьи же навыки, умение «тропить» зайца и подходить к утиным выводкам пригодятся очень скоро — на Первой мировой войне, где Жуков будет разведчиком.

Деньги, собранные миром на покупку сруба, Жуковым необходимо было возвращать общине. Они и возвращали. Частями. Как могли. Это был своего рода кредит. Беспроцентный.

Помогать своим. Не оставлять в беде. Выручить родню, близкого. Не оставить вниманием земляка. Выросший и воспитанный деревенской общиной, родителями, роднёй в такой нравственной атмосфере, Жуков сохранит эти качества на всю жизнь. Будет щедр к родным и близким. Заботлив по отношению к многочисленным племянникам и племянницам, гостеприимен. Родня всегда будет окружать его и в московской квартире, и на даче, и даже на квартирах в гарнизонах. Он любил, чтобы вокруг него были родные лица, звучали интонации его родины — Стрелковщины.

На следующую осень после того, как Жуковы выбрались из сарая в новый дом, Егора и Машу собирали в школу.

Церковно-приходская школа для крестьянских детей находилась в деревне Величково, это вниз по течению Протвы на полпути к Чёрной Грязи. Сюда ходили учиться крестьянские дети из четырёх деревень: Лыкова, Величкова, Стрелковки и Огуби. Учителем в школе сын местного батюшки Сергей Николаевич Ремизов. Местные хроники сохранили о нём память как о талантливом педагоге, посвятившем свою жизнь крестьянским детям, их просвещению. Отец учителя, Николай Ремизов, «тихий и добрый старичок», к тому времени уже заштатный священник местной церкви, преподавал в школе Закон Божий.

Сестра Маша в школу пошла на год раньше. Егор выучился читать и писать печатными буквами по её букварю, а потому пришёл в школу уже подготовленным. Вспоминал: «Некоторым ребятам родители купили ранцы, и они хвастались ими. Мне и Лёшке вместо ранцев сшили из холстины сумки. Я сказал матери, что сумки носят нищие и с ней ходить в школу не буду.

— Когда мы с отцом заработаем деньги, обязательно купим тебе ранец, а пока ходи с сумкой.

В школу меня вела сестра Маша. Она училась уже во втором классе. В нашем классе набралось 15 мальчиков и 13 девочек.

После знакомства с нами учитель рассадил всех по партам. Девочек посадил с левой стороны, мальчиков — с правой. Я очень хотел сидеть с Колотырным. Но учитель сказал, что вместе посадить нас нельзя, так как Лёша не знает ни одной буквы и к тому же маленький ростом. Его посадили на первую парту, а меня — на самую последнюю».

Школу в Величкове построил здешний землевладелец князь Николай Сергеевич Голицын в 1888 году. Согласно «Пра-

вилам о церковно-приходских школах», изданным в 1884 году, величковская школа, её духовно-нравственный тон и учителя должны были заложить добрую основу подрастающего поколения и утвердить в народной среде православие. В день открытия школы крестьянская община преподнесла щедрому строителю и попечителю две богато изукрашенные, в серебряных окладах иконы — святого Николая и «Иисус Христос на престоле, благословляющий приходящих к нему детей». Растроганный князь тут же передал дары школе, дабы «в каждом из двух классных помещений находилась одна икона». Князь Голицын не только выстроил здание школы, но и закупил всё необходимое для учебных занятий: мебель, классные доски, счёты, тетради, карандаши, перья, чернила и чернильницы, книги, предусмотренные программой, словом, всё «в потребном количестве». Он же взял на себя расходы на выплату жалования учителям и все текущие надобности. Школа князя Голицына в Величкове была лучшей в уезде и считалась образцовой.

Егор учился хорошо. Все предметы ему давались легко. Поэтому оставалось время и на проказы. Марья Ивановна Крюкова, учившаяся с Егором в одном классе, рассказывала, что она с подружкой сидела впереди, а Егор, сидевший сзади, «озорничал». У девочки были длинные густые косы, и Егор во время урока цеплял на них репей. Неравнодушен он был и к её подружке: по дороге из школы домой в Стрелковку он донимал репьем обеих.

Впрочем, земляки великого полководца любят пошучивать вот на какую тему: когда слава Маршала Победы, уже очищенная от наветов, зависти и опасной хулы, докатилась до родных мест, многие местные старухи стали рассказывать доподлинные истории о том, как Егор в своё время не смог добиться их благосклонности...

Первый класс Маша окончила с трудом. Сестра в учении оказалась слабенькой. Её оставили на второй год. Родители решили: хватит попусту лапти рвать, в домашнем хозяйстве от девочки пользы будет больше. Маша разрыдалась. Егор вступился за сестру. Сказал, что не Маша виновата в том, что отстала в учёбе, а то, что ей приходилось пропускать много уроков, чтобы заниматься домашним хозяйством, пока мать находится в извозе. При этом выказал такое умение стоять на своём, что родители уступили. С тех пор брат и сестра учились в одном классе. Егор всегда помогал сестре, если у неё что-то не получалось. И никому не давал её в обиду.

Всю жизнь он будет опекать старшую сестру. Устраивать и учить племянников. Но об этом — в свой черёд.

Учитель Жукова Сергей Николаевич Ремизов принадлежал к породе русских подвижников. Родился он в Угодском Заводе в семье священника. В тот год, когда в Величково из Стрелковки с холщовой сумкой через плечо пришёл в первый класс Егор Жуков, учителю исполнилось 40 лет. Педагогический стаж составлял 22 года. Ремизов окончил Калужское духовное училище и сразу же был определён в только что построенную школу в Величкове. Неоднократно поощрялся по ведомству Малоярославецкого уездного училищного совета «за усердное отношение к школьному делу». Отмечен Синодом — «за ревность в наставлении детей в вере» получил наградную Библию. Окончил педагогические курсы в Калуге. Личность незаурядная, цельная. Можно уверенно предположить, что на становление будущего полководца общение с ним оказало огромное влияние. Счастье для человека, которому в ранние лета попадает такой учитель и наставник. Ремизов пристрастил Егора к чтению. Настоял, чтобы тот пел в церковном хоре. Книги стали частью жизни Егора, воспитателями и ангелами-хранителями его души. Жуков всю жизнь делал себя сам. И в этом его делании самыми верными помощниками были книги.

В последние годы жизни Сергей Николаевич Ремизов обратился к Богу. В заброшенной часовне в Угодском Заводе, уже в советские годы, собирал детей и беседовал с ними на духовно-нравственные темы. Он ушёл из жизни в 1926 году, никем не преследуемый, но и всеми забытый.

В 1964 году маршал приезжал на родину. Посетил могилу отца. И долго искал могилу учителя. Но не нашёл её. Своим спутникам с грустью сказал:

— Есть у меня в жизни долг неоплаченный. Долг памяти первому учителю — Сергею Николаевичу Ремизову. Прекрасный был педагог. А главное — человек светлый, порядочный.

В первом отделении (классе) Жуков изучал объяснительное чтение; письмо; арифметику; Закон Божий, который в первый год обучения включал Священную историю от Сотворения мира до Вознесения Христова, знание шестнадцати молитв.

В два последующих года дети постигали катехизис; Символ веры; богослужение с обязательным посещением храма и участием в службе. Кроме духовных предметов во втором отделении школьники осваивали чистописание; письменные упражнения; русское чтение.

Также ученик самостоятельно должен был прочитать сверх программы 200 книг — произведений русских писателей, рекомендованных Министерством народного просвещения.

В 1906 году Жуков успешно окончил полный курс трёхклассной церковно-приходской школы. Учитель Сергей Ни-

колаевич Ремизов вручил выпускнику похвальный лист с отличием и напутствовал самыми добрыми словами.

После окончания школы отец подарил Егору новые сапоги. Мать сшила новую рубаху. Подарки были не праздными — парня собирали в Москву. Родители понимали: пора парню учиться не книжной науке, а той, которая давала бы кусок хлеба — мастерству. Привязывать к земле Егора не хотели: смыслёный, ловкий в любом деле, заводила и атаман, такой и в Москве не пропадёт. Но в Москву он сразу по выпуске из начальной школы отправлен всё же не был. Почему, неизвестно. Возраст уже позволял оторваться от дома и стать подмастерьем хотя бы в уездном Малоярославце. Кстати, городок славились мастерами-хлебопёками и скорняками. Продукция отправлялась в Москву. Благо туда через Малоярославец лежала прямая как стрела дорога — знаменитое Варшавское шоссе.

Пока Егор учился грамоте и Закону Божию в Величкове, Россию потрясли два урагана: Русско-японская война (1904—1905) и первая русская революция (1905—1907). Империя устояла, но сроки её существования исчислялись уже немногими годами.

Местные хроники отмечали следующее: «События, происходившие тогда в городской России, мало затронули Стрелковщину. Выборгское воззвание политизированной интеллигенции, обратившейся с призывом к народу начать кампанию гражданского неповиновения из-за роспуска Госдумы, оставило народ равнодушным. На повседневной жизни крестьян политическая борьба, как казалось здешним жителям, никак не отражалась. Столыпинская реформа в Стрелковщине и в целом в Калужской губернии провалилась. Мужики не хотели выходить из общины и угрожали “красным петухом” всем, кто попытается из неё выделиться. Привычный уклад жизни Огубской общины выдержал напор новых веяний. Хутора здесь не возникли. Несмотря на смутное время не знали в крае и политического террора. Только в нижних, по течению Протвы, волостях эсеры пытались мутить народ, дрались в пьяном виде со своими противниками и грабили во имя “светлого идеала”. Впрочем, и это случалось довольно редко»*.

В 1908 году в Чёрную Грязь навестить родню приехал из Москвы брат Устиньи Артемьевны Михаил Артемьевич Пилихин. Вот тут-то и начала жизнь-река ломать своё привычное течение и буровить новую излучину.

Михаил Артемьевич Пилихин к тому времени не просто обжился в Москве, а по-настоящему разбогател. В своё время

* Ульянов А. И. Детство полководца. Малоярославец, 1996. С. 69—70.

его отдали в подмастерья одиннадцатилетним. И вот он — мастер-меховщик высочайшего класса, при богатых и солидных клиентах и заказчиках, владелец меховой мастерской в самом центре Москвы на Кузнецком Мосту и собственного магазина мехов и изделий из кожи. Из Чёрной, как говорится, Грязи калужской — да на Кузнецкий Мост!

Приехал Михаил Артемьевич к сестре в Стрелковку, посмотрел на бедность родни, поинтересовался хозяйством, видами на урожай. Всё кругом выглядело тоскливым, и тоска эта казалась беспросветной и бесконечной. Зато племянник произвёл хорошее впечатление — крепкий, с умным внимательным взглядом, с достоинством в движениях и осанке. В лице, посадке головы и коренастой фигуре чувствовалась пилихинская порода. Волевой подбородок с ямочкой. Пожалуй, из парня толк выйдет. Но в деревне — пропадёт.

— Ну вот что, Устя, — сказал он, кивнув на Егора. — Племянника я забираю.

Константину Артемьевичу в тот раз шурьяк* руки не подал. Разговаривал с сестрой и Егором.

Решение Михаила Артемьевича и обрадовало Жуковых, и опечалило одновременно. Наконец-то у сына забрезжило будущее, да и не в чужие люди уходит, а к родному дяде, к выгодно-му делу, к денежному ремеслу, с которым жизнь можно устроить куда как лучше, чем здесь, в нишающей деревне. С другой стороны — на одни рабочие руки в семье становилось меньше. Да и жалко от себя отпускать...

Закончилось деревенское детство Егора Жукова. С его радостями и развлечениями на Протве. С рыбалкой, покосами и охотами на зайцев и уток. Со стремительными гонками на мороженых «леднях» на Михалёвых горках. С девичьим смехом и шёпотом возле соседских калиток...

Глава третья

МОСКВА

«Жуков быстро становился городским человеком...»

Одна из двоюродных сестёр по материнской линии Анна Михайловна Пилихина, прожившая 96 лет и до конца своих дней не бросавшая огорода и небольшого хозяйства на родной

* Производное, местное, калужское от «шурин». Шурин — брат жены.

земле в Чёрной Грязи, вспоминала: «Если бы не наш отец, малограмотный, но предприимчивый скорняк Михаил Артемьевич Пилихин, то мой двоюродный брат Егор Жуков пас бы в Стрелковке гусей... В нашей московской квартире Егор все годы жил, как равноправный член нашей семьи. Равняясь на моего старшего брата, Александра, Жуков быстро становился городским человеком. Александр родился в 1894 году и был, таким образом, старше Егора на два года».

Расставание с родиной было нелёгким. Родители, сестра, закадычный друг Лёша Колотырный...

— Ничего, племяш, — похлопал его по плечу дядя Михаил Артемьевич, — на Пасху приедешь повидаться. Московских гостинцев им привезёшь. Ещё пуще любить и ждать будут. Помяни моё слово.

Слово у дяди было твёрдым. Как шип в подошве. Сказал — сделал.

— Жить будешь с нами. В семье. Работать не ленись. Твоё дело какое? Слушаться и выполнять всё, что прикажут.

Пилихины занимали второй этаж просторного дома, где у них были и мастерская, и магазин, и жилые комнаты. Теперь в этом здании, перестроенном и расширенном, находится магазин «Педагогическая книга». Чуть позже оборотистый Михаил Артемьевич приобрёл двухэтажный деревянный дом в Брюсовом переулке. Дела у него шли в гору. Производство потихоньку расширялось. Клиентов становилось больше.

В Москве в новой городской обстановке Жуков освоился быстро. Шумное московское многолюдье ему понравилось. На первые же заработанные деньги купил приличную одежду. Умел экономить лишнюю копеечку, зная, что дома, в Стрелковке, каждому грошику, присланному им, будут очень рады.

Никаких поблажек в доме и в мастерской дяди Жукову не делали. Вначале состоял в мальчиках на побегушках: подметал и мыл полы в квартире и в мастерских, надраивал хозяйские сапоги, ходил в лавку за табаком и водкой для мастеров, ставил самовар, мыл посуду, зажигал лампы у икон. Одним словом — «что прикажут». Присматривался и к основному делу. Старшая мастерица Матрёша, она же артельная кухарка, вскоре подарила ему напёрсток, дала иглу с ниткой и показала, как сшивается мех. Она же преподавала первый и весьма жёсткий урок поведения за столом. Сам маршал вспоминал эту историю так: «Кузьма, старший мальчик, позвал меня на кухню обедать. Я здорово проголодался и с аппетитом принялся за еду. Но тут случился со мной непредвиденный казус. Я не знал существовавшего порядка, по которому вначале из общего большого блюда едят только щи без мяса, а под конец, ког-

да старшая мастерица постучит по блюду, можно взять кусочек мяса. Сразу выловил пару кусочков мяса, с удовольствием их проглотил и уже начал вылавливать третий, как неожиданно получил ложкой по лбу, да такой удар, что сразу образовалась шишка».

Из воспоминаний двоюродного брата Жукова Михаила Пилихина-младшего: «Мать Егора Жукова в 1908 году... отправила его в Москву к моему отцу... в учение меховому искусству на четыре года. В это время мой отец с семьёй проживал в Камергерском переулке, где он снимал квартиру, в которой находилась скорняжная мастерская. Имел трёх мастеров и трёх мальчиков-учеников. В этот год осенью привезли к дяде учиться скорняжному искусству и Егора Жукова.

В конце 1908 года дом был назначен на ремонт. Отец снял квартиру в Брюсовом переулке. В мастерской Пилихина работы всё прибавлялось. Крупные меховые фирмы и знаменитые мастерские женского верхнего платья Ламоновой, Винницкой, другие мастерские давали много заказов. Сезон скорняжного дела начинался с июля. С 20 декабря все мастера уезжали по своим деревням на Рождество, а возвращались 10—15 января. Каждый ученик был прикреплен к мастеру, который и обучал его. Мастера приходили к семи часам. Ученикам входило в обязанность подготовить к приходу мастеров рабочие места, а по окончании работы подмести мастерскую и всё убрать.

К приходу мастеров мы ставили самовар и готовили всё к завтраку. Все мастера находились на хозяйских харчах — завтракали, обедали, ужинали. Это было лучше для производства, и мастерам было лучше: они хорошо покушают и отдохнут. А если они будут ходить в чайную, там выпивать и только закусывать, то полуголодные будут возвращаться уже навеселе. Они были бы малопроизводительными работниками.

Егор Жуков очень усердно изучал скорняжное искусство и был всегда обязательным и исполнительным. После двух лет работы в мастерской дядя взял его в магазин, он и там проявил себя исполнительным и аккуратным. Егор с большим любопытством ко всему присматривался и изучал, как надо обслуживать покупателей, там служил и старший брат Александр, который Егору помогал всё это освоить. А я работал младшим учеником. В 1911 году, когда Егору исполнилось 15 лет, его стали называть Георгий Константинович».

По всей вероятности, Егор заслужил похвалу дяди, за что тот и повеличал его. После чего его мастерство признали все, работавшие в пилихинской мастерской, и стали называть по имени и отчеству.

В своих мемуарах Жуков нелестно отзываясь о дяде Михаиле Артемьевиче Пилихине. Но всё это можно отнести на счёт идеологии. Мемуары Главного Маршала Победы должны были выйти к читателю политически правильными, идеологически выдержанными. Вот и расставлялись нужные акценты: раз собственник, владелец производства, да к тому же ещё и торговец, то — эксплуататор и стяжатель. Мало ли что родной дядя — благодетель, помогший выбраться из нищеты, освоить хорошую профессию и наставить на путь истинный... Двоюродная сестра на это бросила короткий, но справедливый упрек: если бы, мол, не «наш отец»... то пасти бы Егорке Жукову гусей в родной и беспросветной глухомани.

«Первое время я очень скучал по деревне и дому, — писал о своей скорнячко-московской одиссее маршал. — Я вспоминал милые и близкие сердцу рощи и перелески, где так любил бродить с Прохором на охоте, ходить с сестрой за ягодами, грибами, хворостом. У меня сжималось сердце и хотелось плакать. Я думал, что никогда уже больше не увижу мать, отца, сестру и товарищей. Домой на побывку мальчиков отпускали только на четвёртом году, и мне казалось, что время это никогда не наступит».

Двоюродные братья дружили как родные. Во всём друг другу помогали, выручали в сложных обстоятельствах. Вместе осваивали скорняжное дело и искусство торговли. Вместе развлекались. И учились. Александр хорошо знал немецкий язык и учил Егора, давал ему регулярные уроки. В свободное время гуляли по Москве. Захаживали и в книжные лавки, покупали книжки. Кроме учебников приобретали дешёвые переводные издания приключений лондонского сыщика Шерлока Холмса* и американского его собрата Ника Картера**.

Чтение для Жукова ещё в Стрелковке стало любимым занятием. Но в деревне книг было мало. А тут столица открыла перед ним свои кладовые... Когда он ходил в школу в Величкове, учитель Сергей Николаевич Ремизов время от времени давал ему что-нибудь из своей библиотеки. А потом, когда

* Имеются в виду книги шотландского и английского писателя Артура Конан Дойля (1859—1930), которыми тогда зачитывались молодёжь и взрослые.

** В США писатели создали своего, американского Шерлока Холмса по имени Ник Картер. Это был коллективный псевдоним множества авторов детективного и приключенческого жанра. Для библиотеки Ника Картера писали такие мастера американского детектива, как Фредерик Ван Дей (1861—1922), Ормонд Дж. Смит (1848—1924) и др. В России серия книг выходила под названием «Ник Картер. Американский детектив». Каждую неделю в книжных лавках появлялась новая книжка в яркой мягкой обложке, на дешёвой бумаге — издание для народа.

Егор всё возможное и посильное для его возраста перечитал, сказал жадному до чтения ученику: «Вот окончишь школу, подрастёшь и поедешь в Москву. Там устроишься учеником в типографию. Станешь мастером-печатником. Вот уж где книги вольные будут!»

Но родители и дядя знали лучше, как устроить его будущее. А книги никуда не ушли...

Иногда Александр приносил такую книгу, смысл которой осилить было непросто. И Жуков понял, что знаний, образования его не хватает для того, чтобы мыслить и понимать мир шире и глубже. Поэтому детективы и приключенческие книги ему вскоре наскучили, и они с Александром принялись за учебники математики, русского языка и географии. На полке у Жукова появились научно-популярные книги, описания путешествий и природных явлений, справочники. Хозяин, наблюдая за увлечениями детей и тягой к знаниям, сдержанно поощрял их.

Вскоре Жуков поступил на вечерние общеобразовательные курсы. Они «давали образование в объёме городского училища». Сочетать работу и учёбу было непросто: «...уроки приходилось готовить ночью на полатах, около уборной, где горела дежурная лампочка десятка в два свечей».

В воскресные дни и по великим праздникам Михаил Артемьевич всех домашних вёл в храм Воскресения Словущего, что стоял неподалёку. В нём был довольно хороший хор. Дядя, по воспоминаниям Жукова, в буквальном смысле приходил в восторг и священный трепет, слушая церковные песнопения. После службы был торжественный обед. После обеда глава семьи отпускал всех на волю. Если случалось особо приподнятое настроение, мог подарить по серебряному николаевскому полтинничку. Братья были предоставлены сами себе. Обычно они отправлялись на прогулку по городу.

Михаил Пилихин-младший вспоминал: «В 1911 году отец взял меня из школы на своё предприятие в ученики на четыре года на тех же основаниях, как и других учеников.

Георгий Жуков взял надо мной шефство, знакомил меня с обязанностями, в основном убирать помещения, ходить в лавочку за продуктами, ставить к обеду самовар. А иногда мы с Георгием упаковывали товары в короба и носили в контору для отправки по железной дороге. Во время упаковки товара Георгий, бывало, покрикивал на меня, и даже иногда я получал от него подзатыльник. Но я в долгу не оставался, давал ему сдачи и убегал, так как он мог наподдать мне ещё. За меня заступался мой старший брат Александр, он был одноклассник с Георгием. А в основном жили очень дружно...

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Г. К. ЖУКОВА

- 1896, 1 декабря (19 ноября ст.ст.) — в деревне Стрелковке Калужской губернии в семье крестьян Константина и Устиньи Жуковых родился сын, который был окрещён в приходской церкви под именем Георгий.
- 1906 — окончил полный курс трёхклассной церковно-приходской школы в соседней деревне Величково.
- 1908 — поехал в Москву в учение скорняжному делу к дяде Михаилу Артемьевичу Пилихину.
- 1912 — окончил городское училище.
- 1915 — призван на военную службу и зачислен в кавалерию.
- 1916 — окончил учебную команду, вице-унтер-офицер. Направлен на фронт — разведчик 10-го Новгородского драгунского полка 10-й кавалерийской дивизии. Награждён двумя георгиевскими крестами.
- 1917 — председатель солдатского эскадронного комитета. Унтер-офицер.
- 1918 — вступает в Красную армию — зачислен в 4-й Московский кавполк 1-й Московской кавдивизии.
- 1919 — участвует в боях Гражданской войны. Вступает в РКП(б). Знакомство с Марией Николаевной Волоховой.
- 1920 — курсант Первых рязанских кавалерийских курсов. Знакомство с будущей женой Александрой Диевной Зуйковой.
- 1921 — командир эскадрона. Участвует в подавлении восстания на Тамбовщине и в Воронежской губернии.
- 1922 — награждён орденом Красного Знамени.
- 1923 — помощник командира 40-го Бузулукского кавалерийского полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии, а затем командир полка.
- 1924 — учёба в Высшей кавалерийской школе в г. Ленинграде.
- 1928 — рождение дочери Эры.
- 1929 — учёба на курсах усовершенствования высшего начсостава при военной академии им. М. В. Фрунзе. Рождение дочери Маргариты от Марии Николаевны Волоховой.
- 1930 — командир 2-й бригады 7-й Самарской кавалерийской дивизии.
- 1931 — помощник инспектора кавалерии РККА.
- 1933 — командир 4-й кавалерийской Ленинградской Краснознамённой дивизии им. К. Е. Ворошилова.
- 1936 — награждён орденом Ленина.
- 1937 — командир 3-го КК. Рождение дочери Эллы.
- 1938 — командир 6-го КК.
С июня — заместитель командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии.
- 1939 — командир 57-го особого СК, а затем командующий 1-й армейской группой на Халхин-Голе, комкор, Герой Советского Союза.
- 1940 — генерал армии. Командующий войсками КОВО. Командующий войсками Южного фронта во втором Прутском походе.
- 1941 — начальник Генерального штаба. Член Ставки Верховного главнокомандования. Командующий войсками Резервного, Ленинградского, Западного фронтов. Начало отношений с Лидией Владимировной Захаровой.
- 1942 — главнокомандующий войсками Западного направления. Заместитель Верховного главнокомандующего. Руководит операциями в районе Сталинграда, Ржева, на Дону.

- 1943 — координатор действий ряда фронтов в ходе крупнейших стратегических операций, в том числе Курской битвы.
18 января — присвоено звание Маршала Советского Союза.
- 1944 — координирует действия 1-го и 2-го Украинских фронтов. Командующий войсками 1-го Украинского фронта. Вторая золотая звезда Героя Советского Союза. Назначен командующим 1-м Белорусским фронтом. Награждён орденом «Победа».
- 1945 — награждён вторым орденом «Победа». Руководит штурмом Берлина. Принимает капитуляцию Германии. Третья золотая звезда Героя Советского Союза. Принимает Парад Победы на Красной площади в Москве.
- 1946 — главнокомандующий Сухопутными войсками и заместитель министра Вооружённых сил СССР. Командующий войсками Одесского военного округа.
- 1948 — командующий войсками Уральского военного округа.
- 1950 — знакомство с Галиной Александровной Семёновой.
- 1953 — первый заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий Сухопутными войсками. Арест Берии.
- 1954 — руководит учениями на Тоцком полигоне — взрыв атомной бомбы.
- 1955 — министр обороны СССР.
- 1956 — удостоен звания Героя Советского Союза в четвёртый раз. Визит в Югославию и Албанию. Отставка.
- 1957 — опала. Начало работы над мемуарами. Рождение дочери Марии.
- 1958 — работа над «Воспоминаниями и размышлениями».
- 1965 — регистрация брака с Галиной Александровной Семёновой.
- 1969 — выход в свет книги мемуаров «Воспоминания и размышления».
- 1973 — смерть жены Галины Александровны Жуковой.
- 1974, *18 июня* — Жуков скончался. Тело кремировано, урна с прахом захоронена в Кремлёвской стене.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барнетт К.* Военная элита рейха. Смоленск: Русич, 1999.
- Безьменский Л. А.* О «Плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // Новая и Новейшая история. 2000. № 3.
- Безьменский Л. А.* Укрошение «Тайфуна». Смоленск: Русич, 2001.
- Бучин А. Н.* 170 000 километров с Г. К. Жуковым. М.: Молодая гвардия, 1994.
- Войтенко А. А., Левченко А. В.* 20 лет с Маршалом Победы. Екатеринбург, 2012.
- Великанов Н. Т.* Мерецков. М.: Молодая гвардия, 2013 (серия «ЖЗЛ»).
- Воротников М. Ф.* Г. К. Жуков на Халхин-Голе. Омск, 1989.
- Гальдер Фр.* Военный дневник. М.: АСТ, 2003.
- Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь: РИФ-ЛТД, 1995.
- Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 378.
- Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 2003.
- Гущин С. Н.* Повесть о маршале Жукове. Екатеринбург: Издательский дом «ПАКРУС», 2000.
- Дайнес В. О.* Жуков. М.: Молодая гвардия, 2010 (серия «ЖЗЛ»).
- Жукова М. Г.* Маршал Жуков — мой отец. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009.
- Зенкин В. Н.* Возвращение маршала. М.: Воскресенье, 1999.
- Зенькович Н. А.* Маршалы и генсеки. Смоленск: Русич, 1997.
- Исаев А. В.* Жуков без лжи. Мифы и правда о Маршале Победы. М.: «Яуза»-Эксмо, 2013.
- Кайдин М.* Тигры горят! М.: Эксмо, 2012.
- Карпов В. В.* Маршал Жуков. М.: Вече, 1994.
- Керсновский А. А.* История Русской армии. В 4 т. М.: Голос, 1992.
- Козинкин О. Ю.* Почему не расстреляли Жукова? В защиту Маршала Победы. М.: «Яуза»-Эксмо, 2013.
- Комаров Д. Е.* Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Смядынь, 2004.
- Краснов В. Г.* Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-Пресс, 2000.
- Маршал Победы. Сборник. К 100-летию Г. К. Жукова. М.: Воениздат, 1996.
- Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939—1945. М.: АСТ, 2003.
- Миркина А. Д., Яровиков В. С.* Маршал Жуков: полководец и человек. М.: Изд-во АПН, 1988. Т. 1, 2.
- Миркина А. Д.* Вторая победа маршала Жукова. Обнинск, 2001.
- Михеенков С. Е.* Конев. Солдатский маршал. М.: Молодая гвардия, 2013 (серия «ЖЗЛ»).
- Пилихин А. А.* Маршал Жуков. Фрагменты прошлого. Калуга: Золотая аллея, 2011.
- Рыбас С. Ю.* Сталин. М.: Молодая гвардия, 2012 (серия «ЖЗЛ»).
- Симонов К. М.* Далекое на востоке. Халхин-гольские записки. М.: Художественная литература, 1985.
- Соколов Б. В.* Георгий Жуков: Победитель. Деспот. Личность. М.: Зебра, 2013.
- Стаднюк И. Ф.* Исповедь сталиниста. М.: Патриот, 1993.

Ульянов А. И. Детство полководца. Малоярославец, 1996.

Федюнинский И. И. На Востоке. Воениздат, 1985.

Язов Д. Т. и др. Выдающийся полководец Второй мировой. М.: Мегаспир, 2009.

1941 год. Документы. В 2 кн. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

Документы личных архивов, музея маршала Г. К. Жукова в г. Жукове Калужской области, ЦАМО РФ в г. Подольске.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I РОЖДЕНИЕ ПОЛКОВОДЦА

<i>Глава первая.</i> Родина. Текущая река	6
<i>Глава вторая.</i> Нищее, счастливое детство	13
<i>Глава третья.</i> Москва	21
<i>Глава четвёртая.</i> Драгун	32
<i>Глава пятая.</i> Первая война	40
<i>Глава шестая.</i> Большевики	50
<i>Глава седьмая.</i> Вторая война	55
<i>Глава восьмая.</i> В составе карательной экспедиции	69
<i>Глава девятая.</i> Командир 39-го Бузулукского кавалерийского полка	80
<i>Глава десятая.</i> Отпуск на родину	89
<i>Глава одиннадцатая.</i> Снова полк	91
<i>Глава двенадцатая.</i> Начало 1930-х	99
<i>Глава тринадцатая.</i> Снова Белоруссия	109
<i>Глава четырнадцатая.</i> Репрессии	124
<i>Глава пятнадцатая.</i> Третья война и первый триумф	143
<i>Глава шестнадцатая.</i> Киевский Особый	168
<i>Глава семнадцатая.</i> Генштаб	182

ЧАСТЬ II ТРИУМФ ПОЛКОВОДЦА

<i>Глава восемнадцатая.</i> Противостояние	192
<i>Глава девятнадцатая.</i> «План Жукова»	203
<i>Глава двадцатая.</i> Пятая война	216
<i>Глава двадцать первая.</i> Контрудар, который не удался	230
<i>Глава двадцать вторая.</i> Катастрофа под Минском и расстрел генералов	243
<i>Глава двадцать третья.</i> Ельня	257
<i>Глава двадцать четвёртая.</i> Ленинград	284
<i>Глава двадцать пятая.</i> Удар «Тайфуна»	296
<i>Глава двадцать шестая.</i> Расстреливал ли Жуков своих генералов и полковников?	312
<i>Глава двадцать седьмая.</i> Битва за Москву	317
<i>Глава двадцать восьмая.</i> Второе окружение под Вязьмой	341
<i>Глава двадцать девятая.</i> 1942-й	362
<i>Глава тридцатая.</i> Сталинград	379
<i>Глава тридцать первая.</i> И снова — Ржев и Ленинград	395
<i>Глава тридцать вторая.</i> На огненной дуге	398
<i>Глава тридцать третья.</i> Днепр	410
<i>Глава тридцать четвёртая.</i> 1944-й	420
<i>Глава тридцать пятая.</i> 1-й Белорусский фронт	433
<i>Глава тридцать шестая.</i> Зееловские высоты	444
<i>Глава тридцать седьмая.</i> Берлин	454

ЧАСТЬ III
ПРЕТЕРПЕВШИЙ ДО КОНЦА

<i>Глава тридцать восьмая.</i> На белом коне	470
<i>Глава тридцать девятая.</i> Война окончена — готовься к войне	476
<i>Глава сороковая.</i> Дело авиаторов	488
<i>Глава сорок первая.</i> «Трофейное дело»	501
<i>Глава сорок вторая.</i> Далеко от столицы	523
<i>Глава сорок третья.</i> Любовь последняя	539
<i>Глава сорок четвёртая.</i> Арест Берии	542
<i>Глава сорок пятая.</i> Рядом с Хрущёвым	550
<i>Глава сорок шестая.</i> В отставке	584
<i>Глава сорок седьмая.</i> Мемуары	591
<i>Глава сорок восьмая.</i> Последние дни	602
<i>Глава сорок девятая.</i> Был ли Жуков верующим	607
<i>Глава пятидесятая.</i> Легенды, истории и байки о маршале Жукове	611
Основные даты жизни и деятельности Г. К. Жукова	626
Библиография	628

Михеенков С. Е.

М 69 Жуков. Маршал на белом коне / Сергей Михеенков. — 2-е изд., испр. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 631[9] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1730).

ISBN 978-5-235-04108-0

Новую биографию Маршала Победы — Георгия Константиновича Жукова отличает от предшествующих то, что её автору удалось буквально вжиться в образ своего героя, не только правдиво показать его полководческий дар, но и максимально приблизиться к нему как к человеку. Жизнелюб и хват-командир, стойкий солдат и верный друг, заботливый муж, отец и брат, воин, который не робел перед Сталиным и не боялся вступить в схватку с самой мощной военной машиной в Европе в 30—40-е годы XX века — армией фашистской Германии. Герой, который познал триумф и опалу, любовь и предательство, всю свою жизнь посвятил Отечеству.

**УДК 94(47+57)(092) “1939/1945”
ББК 63.3(2)62**

знак информационной
продукции **16+**

Михеенков Сергей Егорович

ЖУКОВ. МАРШАЛ НА БЕЛОМ КОНЕ

Редактор **И. И. Никифорова**

Художественный редактор **Е. В. Кошелева**

Технический редактор **М. П. Качурина**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова**

Подписано в печать с готовой электронной версии 07.02.2018. Формат 84x108/з. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 33,6+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Суцёвская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография ОАО «Ярославский полиграфический комбинат». Адрес типографии: 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04108-0